

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

МАРШАЛ И МАРШАЛЭК

Противостояние двух вождей

В XIX веке в Российской Империи родились два Иосифа, которые заметно “пучаствовали” в судьбе этой империи и даже в судьбе всей Европы, навсегда вписав свое имя в историю. Это Иосиф Сталин и Иосиф (Юзеф) Пилсудский. Один был грузином, второй поляком.

Существует мнение, что полякам не повезло с соседями, о чем не раз говорили и бывший президент Польши Лех Валенса, и весьма почитаемый в нынешней России кинорежиссер Анджей Вайда, награжденный недавно российским орденом Почёта. Оба они, похоже, никогда не задавались вопросом о том, а повезло ли соседям поляков? Например, украинцам, на землях которых предки пана Леха и пана Анджея несколько веков действовали “огнём и мечом”, литовцам, у которых поляки забирали даже их столицу – Вильнюс, белорусам, которым отказывали в праве на свою государственность, а тем более древним прусам и ятвягам, которые давно “погибоша”, ибо на их головы еще в XIII веке польский князь Конрад Мазовецкий призвал смерть в белых плащах крестоносцев.

Разумеется, когда речь заходит о названных Иосифах, то дело не столько в легендах, которые вспоминаются в этой связи, сколько в том, что эти личности делали и сделали на самом деле. Для белорусов интерес к ним определяется, прежде всего, тем, что оба они имели прямое отношение к нашей судьбе, более того, судьбу нашу они видели по-разному. Но в биографиях этих политиков, в самом деле, действительно есть много такого, что позволяет говорить об определенном сходстве.

Сходство первое. Все называют Сталина грузином, и не приходилось встречать, что сам он это отрицал. Но в посвященной ему литературе довольно много говорилось и о том, что по отцу Сталин был осетином, а настоящая его фамилия не Джугашвили, а Джугаев. Попадалось и объяснение тому, как Джугаев-Джугашвили превратился в Сталина: джуга по-осетински – сталь, отсюда – Сталин.

АЛЕКСЕЙЧИК Яков Яковлевич родился в 1948 году в деревне Переспа Дрогичинского района Брестской области. В 1972 году окончил факультет журналистики БГУ и в 1979 году Минскую высшую партийную школу. Работать в печати начал в 1966 году в Ивановской районной газете “Чырвоная звязда” на Брестчине. Был на партийной работе. С 1988-го по 2002 год — генеральный директор Белорусского телеграфного агентства (БЕЛТА), в 2006—2009 годах — главный редактор издательства “Беларусь” в Минске.

Но Юзеф Клеменс Пилсудский тоже не являлся чистокровным, как говорят в Польше, рдзеным поляком. Он происходил из литвинского (но не литовского!) рода Гинейтовичей и родился в имении Зулавы, которое находилось в Свенцяном уезде недалеко от Вильнюса. Разницу между литвинами и литовцами в России зачастую не улавливают даже люди хорошо образованные. Например, автор весьма интересных передач на канале “Культура” Разумовский однажды заявил, что Ф. М. Достоевский был по происхождению литовцем, что совершенно не соответствует действительности. Вполне возможно, его сбilo с толку то, что предки выдающегося писателя жили в Великом Княжестве Литовском, но полное название того государства было куда длиннее: Великое Княжество Литовское, Русское и Жмудское, а жили в нём литвины, делившиеся на жмудинов и аукштайтов – дедов и прадедов нынешних литовцев, и русичей – русских, очутившихся в границах ВКЛ и составивших 90 процентов его населения. Из тех русичей происходил и род Достоевских, фамилия которого пошла от названия имения Достоево – ныне это деревня в Ивановском районе Брестской области. Ту деревню пинский князь Фёдор Ярославич в 1506 году подарил своему боярину Фёдору Иртищевичу, и с тех пор она не только стала родовым гнездом Иртищевичей на триста пятьдесят лет, но и дала им новую фамилию – Достоевские. Так что у родившегося уже в Москве великого русского писателя – русские корни, а не литовские в нынешнем понимании этого слова. В Достоево поставлен памятник Федору Михайловичу Достоевскому, в местной средней школе уже много лет действует посвященный ему музей.

Словом же “литвин” чаще всего обозначалась территориальная и государственная принадлежность жителей Великого Княжества Литовского, поскольку княжество с длинным названием в обиходе называли просто Литвой. Так же, как в нынешней Европе все, кто живет в России, объявляются русскими, так в те времена все насельники ВКЛ считались литвинами. Белорусский первопечатник Франциск Скорина, пребывая в Праге, писал, что он литвин, но в родном Полоцке подчеркивал, что он “из рода русского”. Историческая судьба тех русичей складывалась по-разному. Впоследствии из них “проросли” белорусы и украинцы, но часть, погнавшись за привилегиями, сменила веру и ополячилась. К ним относятся и предки Пилсудского Гинейтовичи.

В ноябре 1939 года имение Зулавы и весь Свенцянский район, в котором преобладали белорусы, были включены в состав Белорусской ССР, но в январе 1940-го эту местность передали Литве вместе с Вильно-Вильнюсом и другими его окрестностями. В исторических публикациях встречаются утверждения, что Пилсудский тоже хорошо говорил по-белорусски и на белорусском языке обращался к жителям Минска в 1919 году после занятия города польскими войсками. Можно не сомневаться, что он знал о своих литвинских корнях и по-своему ценил их, поскольку, даже будучи главным человеком в довоенной Речи Посполитой, позволял себе такие выражения: “Вы, поляки...”. А ещё ему приписывают утверждение, что Речь Посполитая похожа на бублик, в котором все ценное – по краям, а посередине – дырка.

Семья, в которой родился Пилсудский, принадлежала к старой шляхте. Отец – Юзеф Викентий Пётр Пилсудский – окончил сельскохозяйственный институт в Горы-Горках на Могилёвщине, который был предшественником теперешней Горецкой аграрной академии. Как пишет польский историк Побуг-Малиновский, отец Пилсудского много экспериментировал в своём имении, закупая для этого самую современную по тем временам технику, но именно на том и разорялся, поскольку дорогое сельскохозяйственное оборудование при наличии дешёвой рабочей силы приносило не приносило. Да и эксплуатировать его по-настоящему было некому. А после пожара семья вынуждена была оставить имение и переехать в Вильно.

Матерью Юзефа была Мария Биллевич – из древнего рода, о котором в “Потопе” упоминал Генрик Сенкевич. Она приходилась мужу двоюродной сестрой. У них родилось двенадцать детей. Двое умерли в младенческом возрасте, ещё двое – Бронислав и Юзеф – стали известными людьми. Старший, Бронислав во время учёбы в Петербурге участвовал в подготовке покушения на императора Александра III и был приговорен к смертной казни, замененной впоследствии ссылкой. Кстати, в этом заговоре на одной из первых ролей был и старший брат Ленина Александр Ульянов, которому повезло меньше: вынесенный ему смертный приговор был приведён в исполнение.

Местом ссылки для Бронислава власти определили Сахалин. Там неудачливый революционер стал этнографом, изучал язык и быт местных народов, особенно нивхов. Белорусский писатель Алесь Мартинович утверждает, что нивхи называли его Пил Су. В Сахалинском краеведческом музее до сих пор существует отдел, который носит имя Бронислава Пилсудского. Но судьба самого Бронислава сложилась трагически. После окончания ссылки он уехал в Европу, оставив жену из сахалинских нивхов, а также рождённых ею детей, жил в Париже, но в 1918 году был найден мёртвым в Сене. Современники пришли к выводу, что он покончил жизнь самоубийством. О том же говорится и в справочнике “Поляки в России с XVII столетия до 1917 года”, который вышел в Варшаве и Познани в 2000 году. Белорусские же энциклопедии не приводят о Брониславе Пилсудском никаких сведений. Молчат о нём и российские справочники. Зато в них обязательно присутствует его брат – Юзеф Пилсудский – первый маршал Польши, ныне хмуро смотрящий с пьедесталов на площадях Варшавы и других польских городов.

Сходство второе состоит в том, что сибирская ссылка не миновала и обоих Иосифов. Сталина за активную революционную деятельность туда отправляли неоднократно, Пилсудский изгнанием в холодные края был наказан один раз за то, что в Вильно он якобы помогал одному из участников заговора против царя приобрести яд. Но однажды “сибирская страница” в биографии даже помогла Пилсудскому. Во время второго ареста, который случился в Варшаве, он начал симулировать помешательство и был доставлен в соответствующий госпиталь. А руководил тем госпиталем бурят по происхождению, и новый пациент настолько увлёк врача рассказами о сибирских красотах, что тот, даже видя здоровье собеседника, согласился направить его в Петербург для дальнейшего обследования. По дороге в российскую столицу Пилсудский сбежал.

Сходство третье. Оба в формальном понимании этого слова остались недоучками. Сталин не закончил духовную семинарию – исключили, поскольку не явился на выпускные экзамены. Пилсудский всего один курс занимался на медицинском факультете в Харьковском университете. Хотел перевестись в Дерптский – ныне Тартуский, но не был туда принят.

Сходство четвертое. Оба с юности стали профессиональными революционерами и участвовали в социалистическом движении. Оба состояли в руководстве своих партий. Разница только в том, что Сталин к высшему посту в РСДРП-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС подступался более двадцати лет, а Пилсудский уже в 1892 году – вскоре после возвращения из ссылки – вошёл во вновь созданный центральный комитет Польской социалистической партии и возглавил его печатный орган “Роботник”. Он стал одним из её создателей, резонно решив, что в новой партии будет на первых ролях, а в уже состоявшейся ему придётся начинать с рядового члена. Но это деталь. Главное в другом: как заметил по этому поводу русский поэт и публицист Станислав Куняев, оба руководителя вылучились из одного и того же социалистического гнезда. Пилсудский имел кличку “товарищ Виктор”, а Сталин – “товарищ Коба”. А вот в то время, когда они уже были во власти, Сталина называли Вождём и Отцом, Пилсудского – Комендантом и Дедушкой.

Сходство пятое. За обоими в биографии числятся так называемые “эксы” – нападения с целью завладеть деньгами для революционной деятельности. Но если о сталинских “эксах” – скажем, о налёте на банк на Кавказе – широко говорится в исторической и даже художественной литературе, например, у Фазиля Искандера, то сведения о том, что так же действовал и Пилсудский, встречаются куда реже. Однако всё-таки встречаются. Как пишут польские исследователи его жизни Дарья и Томаш Наленч, Пилсудский много внимания уделял боевой части Польской партии социалистов – Польской военной организации, в которой, кстати, состояло около двух тысяч энергичных людей, совершавших регулярные нападения на царских сановников, узданные кассы, на вагоны, в которых перевозились деньги. И добавляют: “Маркса он давно уже не читал. Окончательно забросил книги, имеющие какую-либо связь с общественными проблемами. Отдавал предпочтение военной литературе. Изучал походы Наполеона, штудировал труды Клаузевица, интересовался бурской войной и последним русско-японским конфликтом”. Но при этом они добавляют и ещё кое-что: в “эксах” Пилсудский принял участие только однажды, после того, как даже в кругу преданных ему боевиков

громко зазвучали разговоры о том, не слишком ли бережёт себя шеф. Ведь на слуху у них были рискованные поступки российских руководителей “Народной воли”, а также легендарного в то самое время ирландца Коллинза, который в ходе опасных акций был впереди всех и больше других рисковал собственной жизнью.

В сентябре 1908 года у станции Безданы в окрестностях Вильнюса “товарищ Виктор” возглавил нападение на почтовый поезд. Тогда от взрывов двух бомб и в ходе стрельбы погибли не только солдаты, охранявшие поезд, но и почтовые служащие, а в руки нападавших попало более 200 тысяч рублей. Деньги пошли, главным образом, на создание польских нелегальных военизированных структур, а также на поддержку семей боевиков, уже находившихся в заключении.

Ныне в Польше тот налёт нередко называют “акцией четырех премьеров”. Дело в том, что четыре человека, бывших боевиками под Безданами, потом поочередно становились польскими премьерами. Помимо самого Пилсудского, это Александр Пристор, Валерий Славек и Александр Артишевский. При этом Валерий Славек возглавлял правительство трижды, а Александр Артишевский был премьером уже эмигрантского польского правительства в Лондоне в 1944–1947 годах.

Сходство шестое. Не будучи профессиональными военными, оба были удостоены высших воинских званий в своих государствах. Любая энциклопедия подскажет: Пилсудский – это маршал (по-польски маршалэк – с ударением на предпоследний слог) Польши, Сталин – генералиссимус Советского Союза.

Указ о присвоении наивысшего звания Сталину издавал Президиум Верховного Совета СССР. Для Пилсудского же, даже формально, более высоких инстанций, чем он сам, в Польше не существовало. Поэтому не ему давали, а он “принимал на себя”...

Но если Сталин во время Первой мировой войны в армию не призывался из-за проблем с левой рукой, то Пилсудский на войну пошел добровольно. Он выступил инициатором и организатором создания польских легионов в составе австро-венгерской армии, которые воевали на русском фронте. Набралось три бригады, и дрались они хорошо. За эти заслуги в 1915 году австрийские власти присвоили Пилсудскому звание бригадира – промежуточная ступенька между полковником и генералом – и наградили его орденом Железной Короны. Однако ход войны показал, что, связав свои планы на возрождение Польши с Германией и Австро-Венгрией, Пилсудский всё-таки ошибся, верх стали брать страны Антанты. Пришлось менять политическую ориентацию, из-за чего главный легионер оказался в тюрьме в Магдебурге.

Биографы Пилсудского пишут, что пребыванием в заключении это назвать трудно, так как жил он “в отдельном деревянном двухэтажном доме в Магдебургской крепости. Имел в своем распоряжении три комнаты на втором этаже”. На первом находился только фельдфебель, присматривающий за хозяйством. Сам “узник” мог без каких-либо ограничений передвигаться по прилегающей территории. Его ежедневные занятия тоже мало чем напоминали тюремные: “Вставал в половине восьмого. В восемь завтракал. Потом два с половиной часа гулял в саду... До обеда прочитывал еще доставляемую ему газету “Магдебургише Цайтунг”, позволяющую ему ориентироваться в том, что происходило в Германии и в мире. В половине первого – обед, хороший и вкусный, заказывал его в ресторане. Затем, как сам подчёркивал, “самая приятная минута” – чай собственной заварки. После полудня играл несколько часов в шахматы, читал, писал. В половине седьмого – ужин. После него – любимый пасьянс”.

Тем не менее, как он сам впоследствии с юмором признавал, это заключение позволило ему стать главой нового польского государства. Ведь оно перекркнуло предыдущее сотрудничество Пилсудского с Германией и Австро-Венгрией в войне и участие в боевых действиях на их стороне. Как заметил в интервью журналу “Политика” уже в августе 2010 года Томаш Наленч, нынешний поляк свято убежден, что Польшу для него “вывоевал” прежде всего Пилсудский со своими легионами, однако на самом деле она стала плодом победы государств Антанты, против которых как раз и сражались Пилсудский и его легионы. Но о том знают и осмеливаются говорить только историки.

Сходство седьмое. Оба Иосифа впоследствии стали во главе государств. Сталин – в послереволюционной, уже Советской России, Пилсуд-

ский – в возрожденной после Первой мировой войны Польше. Но если новая Россия “до основанья” отрекалась от прежней, имперской, то новая Польша во многом желала возвратиться к старой Речи Посполитой, по крайней мере страстно стремилась завладеть всем её давнишним имуществом и выйти на границы 1772 года – те, которые она имела до первого её раздела Австрией, Германией и Россией. При этом возрождаемую Польшу отнюдь не смущало то, что исторические основания на подобные претензии были очень зыбкими, поскольку первая Речь Посполитая состояла из Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, которые имели отдельные законы, правительства, бюджеты, армии, таможни, и та Речь была фактической и юридической федерацией двух государств, объединенных общей короной. Более того, до разделов это была не Речь Посполитая (Республика) Польша, а Речь Посполитая Обоих Народов – так звучало официальное название. Ну а то, что в XX веке к востоку от Буга – на землях бывшего ВКЛ – белорусы, украинцы и литовцы уже провозгласили свои государства, Пилсудским и его сподвижниками и вовсе не бралось во внимание.

В то же время, если Сталину понадобилось несколько лет для того, чтобы получить высшую и абсолютную власть в Советской России, а затем в СССР, то Пилсудский получил сразу и всё из рук так называемого Регентского совета. Дело в том, что к началу Первой мировой войны во всех трех империях – Австро-Венгрии, Германии и России – пришли к выводу, что придётся восстанавливать польскую независимость, однако каждая предполагала, что это произойдёт под его эгидой. А начиналась вторая Речь Посполитая с того, что в ноябре 1916 года Австро-Венгрия и Германия, оккупировав польские земли, входившие ранее в состав России, провозгласили самостоятельность Польши без указания её границ. Тогда в Европе даже шутка появилась, что это самое крупное государство в мире, так как никто не знает её пределов. В качестве органа управления новой Польшей был создан Временный Государственный совет. В сентябре 1917 года вместо Временного Государственного возник Регентский совет. Вот он-то и передал власть Пилсудскому, притом всю сразу – военную, исполнительную, законодательную, назначив его Комендантом государства. Фактически ему были даны диктаторские полномочия.

Однако если Сталин пришел к высшей власти “на всю оставшуюся жизнь”, то Пилсудскому пришлось брать власть дважды. Первый раз её ему преподнесли, во второй – он взял её силой. Позволив себе на несколько лет отойти от государственных дел после утверждения польской независимости, он вскоре убедился, что дела идут не так, как, по его мнению, им следовало бы идти, поэтому 12 мая 1926 года маршал совершил государственный переворот силами верных ему воинских частей. Тогда на улицах Варшавы обильно пролилась кровь – 379 убитых и 920 раненых. Эта дата имеет и мистический оттенок, так как ровно через девять лет – тоже 12 мая – Пилсудский ушёл из жизни.

После переворота всенародным собранием маршал был избран президентом Польши, но отказался принять этот пост, мотивируя тем, что по действовавшей тогда конституции президент имеет очень мало прав. В польских источниках есть утверждения, что в своё время её разработчики как раз и опасались диктаторских замашек Пилсудского, потому решили специально внести такие ограничения в основной закон государства. Узнав об этом, Комендант тогда отказался от какого-либо участия в дальнейших работах по подготовке и принятию Конституции, а в новой ситуации таким вот образом выразил свое отношение к ней. Он занял пост премьера, потом отказался и от него, снова занял, снова отказался, но это уже не имело значения. Все равно в Польше правил Пилсудский. Главным инструментом была верная ему армия, контроль за которой он всегда оставлял за собой.

Сходство восьмое. Оба без пietetа относились к законности. В двадцать втором номере популярного в Польше еженедельника “Не” за 2008 год в статье “Дедушка обоих Качиньских” публицист Матеуш Згрызота писал, что Пилсудский не считал себя ответственным перед писанным правом. Его личное кредо было выше закона и конституции и могло быть основанием для нарушения законности. Он отбрасывал всякие возможности передачи власти в государстве правовым путём, стараясь в то же время удерживать её так, чтобы создавать видимость соблюдения права. Но на самом деле само право трактовалось как орудие действий, а не самоценность, ограничивающая органы власти.

Разве не так поступал и Сталин?

Пилсудский не скрывал, что его метод политической борьбы имеет своей целью “мешать жить противникам”. Отсюда аресты, поиски оружия. Его адъютанты вспоминали, что никогда не видели маршала таким довольным, как тогда, когда ему рассказывали об издевательствах над членами сейма, заключенными по его приказу в казематы Брестской крепости в 1930 году. Всего было арестовано около 50 депутатов и сенаторов польского сейма, входивших в оппозиционные парламентские клубы. Несколько тысяч политических деятелей, не обладающих депутатскими полномочиями, тоже оказались в тюрьме. О том, что с ними происходило, рассказал депутат сейма Адам Прухник в ответ на парламентский запрос, как после ареста власти обошлись с одним из руководителей Национальной рабочей партии Попелем: “В ночь с 9 на 10 октября ввели Попеля в тёмную комнату; один из жандармов схватил его за голову, другой за ноги, после чего повалили его на стол... и отмерили 30 ударов каким-то железным предметом... Во время экзекуции Попель потерял сознание. В конце заправлявший всем капитан заявил, что побитый должен “радоваться, что так легко отделался, а в следующий раз маршал Пилсудский распорядится пустить ему пулю в лоб”.

Некоторые из оппонентов Коменданта уходили из жизни при довольно странных обстоятельствах, о чем время от времени и сейчас вспоминает польская пресса. Например, депутат сейма Ежи Здзеховский, избитый до смерти в собственной квартире “людьми в мундирах”. Или генерал Владимир Загорский, похоже, утопленный в Висле неизвестными, перехватившими его по пути на доклад к маршалу. Бывший польский премьер В. Витос прямо намекал, что эти неизвестные Коменданту были известны. Или один из создателей вооруженных сил возрожденной Польши, герой варшавской обороны в 1920 году, генеральный инспектор кавалерии Тадеуш Розвадовский, который после майского переворота 1926 года был посажен в тюрьму за то, что противился путчистам, а вскоре после освобождения умер. Утверждают, что в вагоне его “угостили чем-то вкусным”.

В 1931 году Пилсудский ввёл военно-полевые суды (у Сталина были так называемые “тройки” и особые совещания), и уже в том году по политическим мотивам было арестовано 16 тысяч человек, а в следующем – 48 тысяч! К середине 30-х годов XX века в Картуз-Березе – ныне райцентр в Беларуси – впервые в центральной Европе был создан концентрационный лагерь для политических заключенных, в котором отбывали наказание, главным образом, белорусы и украинцы. В литературе встречаются утверждения, что “за опытом” в Картуз-Березу приезжали эсэсовцы из Германии, что посещал этот лагерь даже глава СС Гиммлер. “Своеобразие” этого “учреждения” подчеркнуто белорусским аналитиком Олегом Лицкевичем: “Среди самых отъявленных палачей минувшего столетия польские каты выделялись весьма специфическим изуверством и изобретательностью... Нацистские концлагеря преследовали цель уничтожения как можно большего числа людей. ГУЛАГ, как выясняется, создавался не только с целью длительной изоляции инакомыслящих, но и для выполнения экономических, производственных показателей. Иное дело концлагерь в Березе-Картузской. Здесь всё служило одной цели: в кратчайшие сроки сломить человека физически и психологически, раздавить его индивидуально, превратить в бессловесное быдло, даже не помышляющее о политической борьбе”. В том лагере, куда людей отправляли вообще без суда и следствия, одним из способов доведения их до скотского состояния было принуждение заключенных голыми руками очищать отхожие места с последующим запретом мытья рук перед приемом пищи.

Дарья и Томаш Наленч напоминают, что основной закон страны Пилсудский называл “конституткой” и пояснял: “Я выдумал это слово, поскольку оно ближе всего к проститутке”.

Сходство девятое. Пилсудский был высокого мнения о себе, чего даже не таил от соотечественников. Он жаловался одному из ближайших сподвижников: “Есть вещи, которые вы, поляки, не состоянии понять!.. Сколь много мне удалось бы сделать, правь бы я другим народом”. В беседе с другим своим соратником историком Артуром Сливиньским прямо выражал недовольство: “Я не раз думал о том, что, умирая, я прокляну Польшу. Сегодня я осознал, что так не поступлю. Когда я после смерти предстану перед Богом, я буду его просить, чтобы он не посылал Польше великих людей. Что польский

народ даёт великим людям и как к ним относится?! Ещё неизвестно, была ли бы создана без меня Польша”. Современный польский публицист Дариуш Ба-лишевский, приведя эти слова в журнале “Впрось”, не сдержался и язвитель-но добавил: “Похоже, что Бог прислушался к просьбе маршала насчёт вели-ких людей”.

Сталин не спорил со своими сподвижниками, кто из них “более истории-матери ценен”, не был столь уничижителен по отношению к соотечественни-кам, наоборот, провозглашал тосты за их мужество и преданность, но в ближ-нем кругу не раз говаривал: вас без меня раздавят, как котят.

Сходство десятое. Биограф Пилсудского Побуг-Малиновский констати-ровал, что смерть маршала стала “лопнувшим обручем, компания, которая до этого самоотверженно шла в одной упряжке, работая на государство, стала распадаться на несколько групп, отличающихся методами выхода из кризи-са”. Разве и это не похоже на то, что происходило в СССР после смерти Ста-лина? Лаврентий Берия расстался с жизнью, Молотов, Каганович, Маленков, многие годы бывшие на первых ролях, а также “примкнувший к ним Шепилов” по воле Хрущева были зачислены в антипартийную группировку и навсегда исчезли с политической орбиты.

Сходство одиннадцатое. В 129-м выпуске (1999 год) издававшихся под ре-дакцией Гедройца в Париже польских “Исторических тетрадей” есть подборка высказываний французской прессы о маршале Ю. Пилсудском в ходе его ви-зита в Париж в 1921 году. Они помещены под рубрикой “Крупницы истории” и касаются в основном черт характера высокого польского гостя. Кстати, тогда французы, принимая маршала Польши в своей столице, допустили отступле-ние от общепринятого протокола: в один из вечеров они пригласили Пилсуд-ского не в Гранд-Опера, куда обязательно водили всех гостей такого ранга, а в Комеди-Франсез. На что хотело намекнуть французское руководство, это его дело, но в том, что намёк был, сомневаться вряд ли стоит. В политике та-кого уровня ничего случайного не происходит. Однако перейдем к цитатам.

Le Journal des Debats: “Это патриот, пропагандист, организатор, но не военный по профессии. Ему присущ идеализм высшего ранга, а заодно – обостренный практический смысл”.

L’Opinion: “Пилсудским управляют большие личные амбиции...”

Le Temps: “Маршал выглядит человеком слабого здоровья, но приходит-ся констатировать у него большую силу характера”.

Генерал Вейган: “Маршал является жёстким и завистливым по отноше-нию к своей власти...”

Анри Бидо: “Пилсудский обладает исключительными навыками в интри-ге и управлению людьми... Огромные амбиции являются скрытой чертой его характера, он не брезгует хитростью. Работает только по ночам и выигрыва-ет за счет человеческой измученности. Один Падеревский (в то время пре-мьер-министр, кстати, известный композитор. – Авт.) его пересаживает, по-скольку тоже является ночной птичкой...”

Ещё один наблюдатель, фамилия которого не названа, подчеркивает: “На всём политическом Олимпе нет человека более непроницаемого. Несмотря на легкость в контакте, ясный и методичный способ выражаться, никогда невоз-можно угадать его намерений. Он скрытый, замкнутый в себе самом, закры-тый даже для своих ближайших”.

L’Illustration: “Грозный вид не позволяет назвать его обольстительным, но, о диво, в кругу ближайших он весел, улыбчив, незаурядно интеллигентен и безошибочно вежлив. Никогда не бывает банальным!”.

Добавим в этой связи, что банальным никогда не был и Сталин. Народ-ная молва полна свидетельств на сей счет и, в частности, приводит такой слу-чай. Поскрёбышев – помощник Сталина – докладывает, что актер Геловани, который будет играть роль вождя в фильме “Падение Берлина”, просит раз-решения пожить на сталинской даче в Сочи, чтобы быстрее войти в роль. “Хо-чет быстрее войти в роль? – переспросил вождь. – А не лучше ли ему начать с Туруханска?”. Туруханск – место самой северной ссылки Сталина. Все просьбы после такого ответа отпали, хотя формально отказа не было.

Сравнение двенадцатое. Сталина упрекают в дружбе с Гитлером. Более того, в Польше прямо говорят, что именно эта дружба привела к развязыванию Второй мировой войны, о чем в присутствии В. В. Путина недвусмысленно за-явил и польский премьер Д. Туск во время торжеств на Вестерплатте 1 сентяб-

ря 2009 года: для нас, мол, главное заключается в том, что через неделю после подписания московского договора от 23 августа 1939 года немцы начали боевые действия. Но в дружбе с вождём рейха Пилсудский опередил Сталина более чем на пять лет, найдя с ним точки соприкосновения в самое трудное для фюрера время. В январе 1934 года, после того как Германия ушла с международной конференции по вопросам разоружения и оказалась в дипломатической изоляции, именно Комендант Польши пошёл на подписание с Гитлером декларации о ненападении, что и позволило рейху изоляцию прорвать.

Такое замирение с Германией вызвало настоящий шок в Европе. Как написал Станислав Жерко в статье “1939 – правды и неправды” (журнал “Политика”, 7 сентября 2009 г.), за границей стали открыто рассуждать, какой ценой это достигнуто. Итальянский вице-министр иностранных дел Фульвио Сувич в глаза говорил польскому послу, что Польша что-то дала Германии за отказ от ревизии границ. В западной прессе тогда появились утверждения, что помимо официального текста декларации существует и тайный протокол, а швейцарские и французские газеты даже опубликовали его текст. Наличие таких протоколов категорически отрицается в современной Польше, но это уже воспринимается с изрядной долей скепсиса, так как все помнят советское отрицание тайных приложений к договору Риббентропа–Молотова.

Очень неоднозначную реакцию вызвала декларация и в самой Польше. Весьма видные политики – генералы В. Сикорский, Ю. Галлер, экс-премьеры М. Ратай, И. Падеревский – прямо называли польского министра иностранных дел Ю. Бека немецким агентом.

В исторических публикациях о польско-германском соглашении 1934 года есть указания на то, что Юзеф Бек действительно был инициатором его появления. Более того, утверждается, что здесь злую шутку сыграла обидчивость Бека и самого Коменданта. Осенью 1933 года Бек с официальным визитом посещал Францию. Однако там ему было нанесено личное оскорбление: французский министр иностранных дел Жозеф Поль-Бонкур не приехал на вокзал встречать своего польского коллегу, хотя это предусматривалось дипломатическим протоколом. В аффекте Бек с одобрения Пилсудского поручил польскому послу в Германии Липскому изложить Гитлеру неофициальное предложение подписать декларацию о ненападении.

В то же самое время не понравился польскому руководству и ещё один французский политический укол. Приехавшему в Париж доверенному лицу Пилсудского, его бывшему личному адъютанту, генералу Веняве-Длугошовскому, который по поручению своего шефа зондировал позицию Франции по отношению к Германии на случай польско-немецкого конфликта, французы открыто намекнули на слабость высшего польского военного командования. Надо полагать, основания для такого суждения у них были. Ведь тот же маршал Рыдз-Смиглы – одна из ключевых фигур в польском военном истеблишменте, польский верховный главнокомандующий с 1935-го по 1939 год – учился в Краковской академии искусств и никакого систематического военного образования, кроме курсов офицеров запаса в австрийской армии и офицерских курсов в Стрелецком союзе, не имел. Не менее известный польский военный и политический деятель Владислав Сикорский, который в ходе советско-польской войны командовал армией, после её окончания был военным министром, премьер-министром, а во время Второй мировой войны возглавил польское правительство, окончил факультет строительства дорог и мостов Львовского политехнического института. Его военной школой тоже были только курсы офицеров запаса во время срочной службы в австрийской армии, на которые, кстати, он пошёл добровольно, что гарантировало ему получение статуса офицера запаса. По ступенькам сугубо военной карьеры Сикорский стал продвигаться уже в Польской военной организации и в польских легионах, созданных Пилсудским во время Первой мировой войны под эгидой Австрии. Генерал Казимир Соснковский, который на посту верховного главнокомандующего в 1943 году сменил погибшего в авиакатастрофе Сикорского, учился в Львовском политехническом институте и готовился стать архитектором. Диплом получить не успел, так как началась Первая мировая война.

В словах французов по адресу высших польских военных самолюбивый Комендант мог усмотреть шпильку и в свой адрес. Ведь сам он, став “Первым маршалом Польши”, тоже “академиев не заканчивал”, как и генералиссимус Сталин, с той только разницей, что в Польше военные способности Пилсуд-

ского никто под сомнение не ставил раньше, не ставит и теперь, чего не скажешь об отношении к Сталину в России. В 2010 году в Польше во время празднования 90-летия “чуда на Висле” многожды подчёркивалось, что соединения Красной Армии летом 1920 года были разбиты благодаря именно “военному гению Пилсудского”. В России же продолжают повторять пущенную Хрущёвым байку о том, что Сталин управлял своими армиями исключительно по глобусу, а в год 65-летия Великой Победы заявили, что он к той Победе и вовсе никакого отношения не имеет, так как народ поверг врага вопреки тиранившему его Сталину. Более того, Верховного главнокомандующего и во все называли преступником. Правда, юрист, единолично сформулировавший такой “приговор”, не пояснил, как с этим быть нынешним российским гражданам. То ли смотреть на ту Победу, как на не совсем чистую, поскольку к ней причастен Сталин. То ли в самих себе видеть некую ущербность, так как, воленс-ноленс, все мы вышли из той Победы, даже те, кто выносит ей приговоры. И Европа живёт теперь благодаря ей.

Но вернёмся к началу дружбы Пилсудского с Гитлером.

Скорее всего, будучи изошренным политиком, Комендант Речи Посполитой руководствовался все-таки более основательными соображениями, чем сиюминутный личный каприз или обида любимчика Бека, когда шёл на такой непопулярный шаг, каким в глазах европейского общественного мнения тогда было сближение с гитлеровской Германией. Уместно напомнить, что в странах Европы, победивших в Первой мировой войне, особенно Франции и Англии, в то время понимали неизбежность повторения конфликта и даже каких-то уступок немцам, поскольку уж очень унижительными для них были условия Версальского мира, подведшие черту под четырёхлетней борьбой за передел мира в 1914–1918 годах. Французский маршал Фердинанд Фош уже в 1919 году откровенно назвал Версальский договор не миром, а перемирием на двадцать лет. Как потом оказалось, продолжительность срока прекращения огня была предугадана весьма точно. Уинстон Черчилль тоже считал Первую мировую лишь началом большой тридцатилетней войны в Европе.

Первая попытка создать блок центральных европейских государств для противодействия возможным реваншистским устремлениям Германии была сделана ещё в самом начале двадцатых годов минувшего века. Тогда предполагалось, что в блок войдут Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, и он дополнит союз Польши и Франции, на первых порах тоже имевший антигерманскую направленность. Но блок не получился из-за позиции Чехословакии, которая не хотела связываться с Польшей, имевшей постоянные трения с Советским Союзом. Да и в самой Речи Посполитой та идея не встретила понимания ни в парламенте, ни в партиях.

Впоследствии стала доминировать другая идея: каждый в Европе возжелал обеспечить свою безопасность за счет уступок со стороны другого. На такой точке зрения – пусть уступят другие – стоял и Юзеф Пилсудский. В этом смысле весьма интересны воспоминания польского военного историка полковника Яна Цяловича, участника легионов Пилсудского в Первой мировой войне, в межвоенное время долго служившего в штабе верховного главнокомандующего Речи Посполитой маршала Рыдз-Смиглы, а потом воевавшего в частях генерала Сикорского на западе. В 1971 году он издал в Польше книгу “От Костюшко до Сикорского”. В этой книге Цялович напоминает: маршал решил исходить из того, что есть возможность ослабить напряженность в отношениях с Германией и подтолкнуть её к признанию границы с Польшей без территориальных уступок со стороны Польши. Комендант всерьёз полагал, что они могут быть сделаны за счет Австрии. Еще в 1933 году, писал Цялович, он говорил, что готов продать аншлюс Австрии за хорошую цену. Правда, авторство этой “цены” принадлежало не самому Пилсудскому. Такую идею еще в 1917 году выдвинул другой польский политик националистического толка – Роман Дмовский, весьма близкий к маршалу. Он полагал, что ценой включения Австрии в состав Германии должно стать присоединение части Восточной Пруссии к Польше. Идея получила довольно широкое распространение в политических кругах межвоенной Польши. Такой, например, авторитетный в то время политик, как князь Евстафий Сапега, открыто повторял её при любом удобном случае.

Приняв этот постулат за основу при выстраивании польско-немецких отношений, Пилсудский взял курс на уход из-под опеки Франции, с которой еще в 1921 году был заключен союзнический договор. Говоря другими слова-

ми, он решил проводить свою внешнюю политику без оглядки на главную польскую союзницу в Европе, дав ей понять, что он “сам с усами” во всех смыслах. Фактически тогда маршал демонстративно повернулся спиной к Парижу, начав действовать на свой собственный страх и риск. Вполне возможно, что память и об этом решении сказалась на действиях французского правительства по отношению к атакованной Гитлером Польше в сентябре 1939 года. Французы прямо говорили полякам, что из-за их Данцига — так тогда называли Гданьск — им нет смысла вступать в большую войну. Призванный тогда в армию известный французский философ Жан Поль Сартр, отражая доминирующее мнение своих соотечественников, так и записал в дневнике: “Зачем нам эта война?!” . Весь Париж пел песенку “Ничего не хотим”. Популярный Морис Шевалье в польском мундире и в компании двух роскошных дам высмеивал “польских фраеров”, которые позволили убивать себя за какую-то автостраду, за какой-то коридор, в то время как на земле столько прекрасных женщин.

Чуть больше чем через полгода — весной 1940 года в Париже не пел никто, а лозунг “не желаем умирать” французы активно “реализовывали собственными ногами”. И реализовывали иногда настолько своеобразно, что марширующие по Франции немцы не скрывали удивления, когда во многих местах их встречали букетами цветов. А французский министр пропаганды в правительстве маршала Петэна объяснял соотечественникам, что поражения даже полезны, надо утешаться тем, что есть... Но это было потом, а в середине тридцатых на охлаждение Варшавы к Парижу французские политики реагировали довольно нервно. Да и не могло быть по-другому, ведь оно вносило серьезные коррективы в весь европейский политический пасьянс.

Поворот Пилсудского в сторону Гитлера вскоре после прихода фюрера к власти во многом проясняют суждения Цяловича и о том, как маршал оценивал нового германского канцлера. Поскольку Гитлер является австрийцем, а менталитет австрийцев сильно отличается от немецкого, то Пилсудский считал, что окружение Гитлера мало заражено пруссачеством, а потому не стоит приписывать ему слишком большой заинтересованности в ревизии восточных границ Германии, то есть границы с Польшей. Комендант полагал, что Гитлер долгое время будет занят как раз внутригерманскими проблемами, и это время будет работать на Речь Посполитую.

Всерьез учитывались и антисоветские настроения фюрера и его партии. Более того, Пилсудский считал, что именно на этой почве может произойти сближение Польши с Германией, ведь сам маршал страдал болезненным антисоветизмом и русофобией. Пилсудский, подчеркивает Ян Цялович в своей книге, утверждал, что приход Гитлера к власти и нацистское правительство куда менее опасны для Польши, нежели их предшественники в германском руководстве — социал-демократы. (Стоит вспомнить, что с таким же недоверием к социал-демократам Германии относился и Сталин, впрочем, неприязнь между социалистами и коммунистами была характерна для всей Европы, о чем теперь редко вспоминают.) А ещё Пилсудский почему-то был уверен, что за фюрером не пойдёт армия, потому считал Гитлера временным явлением и не верил в устойчивость его режима.

Вот такие суждения и выводы были тогда положены в основу польской внешней политики. И сделаны они были несмотря на то, что уже через две недели после прихода к власти Гитлер в интервью британской газете “Санди экспресс” заявил: ситуация с “коридором” невыносима. Речь идет о том, что входившая в рейх Восточная Пруссия фактически являлась анклавом, не имеющим общих границ с остальной Германией, потому немецкое руководство требовало от Польши предоставления экстерриториального коридора-дороги для беспрепятственного сообщения с Кенигсбергом. Но если Германию к договоренности о ненападении в 1934 году подталкивала международная изоляция, замечает Цялович, то Польше показалось, что, добившись ее, она получит “чувство облегчения и безопасности” лет на десять, а также возможность вести более самостоятельную политику по отношению к Франции и соседям. На деле договор привел к охлаждению с Францией, вызвал недоверие на западе и откровенное беспокойство в СССР. Пилсудский по этому поводу не раз говорил: сидим на двух стульях, надо бы знать, с какого и когда упадем. Однако продолжал начатую линию.

Подчеркивает Цялович и еще одну важную деталь: **соглашение с Германией притупило в Польше бдительность всего народа, а властям дало**

иллюзию безопасности и преувеличенное мнение о собственной силе и их возможности играть роль руководителей великой державы. На самом же деле оно принесло выигрыш Германии. Ей удалось выйти из изоляции, до которой довел ее Гитлер, концентрировать силы против западных и юго-западных соседей, имея безопасный тыл на востоке. Через четыре-пять лет выигрыш вырисовался с полной очевидностью.

В наше время часто говорится, что польское предвоенное руководство на самом деле пыталось балансировать меж двух опасных соседей – Германией и СССР. Однако Станислав Жерко в “Политике” за 5 февраля 2009 года написал вполне откровенно: “Отношения с Москвой ухудшались из года в год, а в 1938 году достигли просто состояния холодной войны. Прямо противоположное имело место в отношениях с Берлином, в которых царила очень хорошая атмосфера. В Варшаву с визитами регулярно приезжали гитлеровские сановники. Кое-где даже высказывалось мнение, что Польша стала тайным союзником Рейха”. Среди важных гостей наиболее частыми были Геринг, Риббентроп, Франк – тот самый Франк, который после оккупации Польши гитлеровцами был назначен управлять генерал-губернаторством, включившим основную часть польских земель. Он сразу же заявил, что **поляки станут рабами у немцев, а значительную часть польской интеллигенции пустил в расход. Первыми эту трагическую судьбу осенью 1939 года разделили почти две сотни профессоров Краковского университета.**

Продолжая разговор о дружбе с Гитлером, нельзя не отметить, что в этом смысле у Пилсудского и его последователей в польском межвоенном руководстве были заслуги не только двустороннего, но и международного характера. И, похоже, что их куда больше, чем у Сталина. Стоит вспомнить хотя бы об идее так называемого “Восточного пакта”. Весной 1934 года, напоминает Ян Цялович, министр иностранных дел Франции Барту предложил договор, который подписали бы Франция, Германия, Польша, СССР, Чехословакия и прибалтийские государства и который бы гарантировал границы, существующие в Центральной Европе. Пилсудский выступил против, поскольку не хотел давать никаких гарантий границам южной соседки – Чехословакии. Кроме того, он никак не желал взаимодействовать с СССР. Усилиями Польши пакт был провален.

Второй раз, в 1935 году, эту идею выдвинул преемник убитого югославскими уставами Барту – Лаваль. Однако и на этот раз Польша выступила против неё. Но уже вместе с Германией. По мнению Яна Цяловича, как раз 1935 год и стал годом начала катастрофы для Европы. С этого времени Гитлер начал свой марш от успеха к успеху.

После смерти Пилсудского в 1935 году министр иностранных дел Польши полковник Бек продолжил линию, начатую маршалом. Впечатление от предвоенной польской внешней политики весьма образно сформулировал американский журналист Д. Фуллер: “Вполне можно застраховать пороховой завод, если на нем соблюдаются правила безопасности, однако страховать завод, полный сумасшедших, немного опасно”. Рассекреченные документы советской внешней разведки содержат и копию донесения своему правительству британского посла Кенарда в Польше в канун мюнхенского сговора. Кенард сообщал: “Польша будет действовать в русле германской политики”. А вот о чём напомнил Станислав Жерко: “...Предъявление Праге ультиматума с требованием уступить Тешинскую область под угрозой военного нападения было воспринято мировым общественным мнением как копирование Польшей германских методов. Заголовок в шведской газете “Dagens Nyheter” (от 4 октября 1938 года) “Подражатели Германии” относится к разряду наиболее сдержанных. Практически везде использовалось сравнение с шакалом, бросающимся на жертву, которому до этого нанес смертельный удар гораздо более сильный хищник. Британский комментатор писал: “Если сейчас Гитлер нападет на Польшу, я прокричу “Sieg heil!””. Была масса подобных мнений. В том же месяце французский посол в Варшаве Леон Ноель направил своему начальству докладную записку, в которой призывал сократить обязательства перед Польшей, поскольку она выступает на стороне противников Франции. Польше грозила изоляция. Станислав Жерко констатирует: **позиция Польши была на руку Рейху, и “неоднократно германская сторона за это благодарила поляков”.**

Упрямые факты свидетельствуют, что для благодарностей были веские основания. Чехословакия для Гитлера стала весьма важным приобретением.

Ведь состоявшийся на полгода раньше аншлюс Австрии, а точнее – поход вермахта на австрийскую столицу, показал, что германская армия не готова к войне. Как пишет в журнале “Дружба народов” (№ 9 за 2008 год) российский публицист и историк Игорь Шумейко, опубликовавший в этом издании статью “Масса грехов”, дороги до Вены были забиты вышедшей из строя немецкой техникой. Несмотря на хорошие условия для движения, большая часть танков остановилась из-за неисправностей. То же случилось и с самоходной артиллерией. Фюрер разъярился и обвинил во всём генералов, но те так и ответили: “Армия не готова к большому конфликту”. Более того, фельдмаршалы, генералы, дипломаты и высшие государственные чиновники рейха стали готовить свержение Гитлера, фельдмаршал Вицлебен уже репетировал захват рейхсканцелярии. Даже СС, пишет Шумейко, тогда занял выжидательную позицию. В Берлине перестали отдавать приветствие “Хайль!”. Так продолжалось два месяца, и только “Мюнхенский саммит”, как признались сами заговорщики перед казнью в 1944 году, уберёт Гитлера.

Спасительной жертвой стала Чехословакия, которая была отдана на заклятие, хотя она имела армию, по численности мало уступавшую немецкой, а по качеству вооружения куда как превосходившую ее. Чехословакия в то время была мировым лидером по производству и экспорту вооружений. Заводы “Шкоды” У. Черчилль называл вторым по значению арсеналом Европы. А были ещё предприятия “ЧДК-Прага”. Кроме того, Чехословакия имела великолепные горные фортификационные сооружения на границе с Германией в Судетах, которые своей основательностью даже превосходили линию Мажино и линию Зигфрида. “Часть этих укреплений была неприступна, – пишет Шумейко, – часть требовала полугодового штурма”. Те из них, что расположены в районе Карловых Вар, осмотрел и сам Гитлер в компании генерала Рейхенау, после чего сказал, как отрезал: “Прочность бетона не играет никакой роли, если слаба сила воли”.

К созданию того оборонительного вала, кстати, имел прямое отношение и наш земляк, уроженец Витебска Сергей Николаевич Войцеховский, который, повоевав во время гражданской войны на стороне Колчака – командующим армией, группой войск и даже главнокомандующим Восточным фронтом, в эмиграции поступил на службу в чехословацкую армию. Перед мюнхенским сговором он был уже генералом армии и министром обороны Чехословакии и настойчиво рекомендовал оказать немцам военное сопротивление. Но не был услышан. А жаль, поскольку впоследствии гитлеровский фельдмаршал Кейтель признавался: “Мы были необычно рады тому, что дело не дошло до военной операции, поскольку... наших наступательных средств было недостаточно для штурма пограничных сооружений Чехословакии. С чисто военной точки зрения у нас не было средств для атаки, которая разбилась бы, как волна, о волнолом пограничных укреплений в Судетах”. Так что, вполне возможно, приветствие “Хайль!” перестало бы звучать в Германии еще в 1938 году.

Подчеркивает такую вероятность и чешский публицист Йозеф Трешняк, статью которого 27 января 2009 года перепечатал польский журнал “Впрост”: “Оккупация Чехии в марте 1939 года и возникновение словацкого государства стало причиной быстрого поражения польских войск в первый месяц Второй мировой войны. Немцы при нападении на Польшу использовали чешские тяжелые танки, орудия и пулеметы, а к нацистской атаке на Польшу присоединилась и Словакия”. Кстати, статья Йозефа Трешняка помещена в польском журнале под заголовком “Потерянный шанс. Как польско-чехословацкий союз мог изменить ход кризиса и Второй мировой войны”. Заканчивается она такими словами: “Совместный чешско-польский фронт обороны от Гитлера имел шансы на победу – бок о бок с миллионной польской армией сражалась бы как минимум полуторамиллионная чешская армия. Вероятно, что под натиском этого союза в сентябре 1939 года нацисты должны были отступить. Возможно, немецкий вермахт осуществил бы переворот, который, как показывает в своих записках Уинстон Черчилль, готовился за год до начала войны”.

Ликвидировав Чехословакию, Гитлер получил массу военного снаряжения, достаточного для вооружения 40 дивизий. Российский ученый Г. Л. Розанов в книге “Сталин–Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941 гг.” приводит весьма впечатляющие цифры: **гитлеровцы захватили в Чехословакии свыше 1,5 тысячи самолетов, несколько тысяч орудий, свыше 43 тысяч пулеметов, один милли-**

ард патронов, три миллиона снарядов. Тогда рейх смог пополнить свои бронетанковые силы несколькими сотнями лучших на то время в Европе танков и сразу же заказать на чешских заводах еще почти полтысячи. Это чешскими танками была раздавлена не только Польша, но и также Франция, Бельгия, Голландия, Дания, Норвегия, Люксембург. Это они приперли английские дивизии к побережью у Дюнкерка в 1940 году. Они были наиболее боеспособными машинами и во время атаки на Советский Союз, а тогда их в вермахте насчитывалось уже свыше 800.

В советское время из-за социалистической солидарности и политкорректности об этом не упоминалось, потому и сокрушается ныне известный московский литератор Лев Аннинский: знал бы я, сколько танков, сделанных на чешских заводах, дошло до Москвы и Сталинграда в 1941–1943 гг., смог бы ответить, зачем советские танки дошли до Праги в 1968 году. К словам Льва Аннинского мы имеем полное право добавить, что на пути к Москве и Сталинграду чешские танки, уже помеченные немецким крестом, “нанесли визиты” в Минск и многие другие белорусские города. Вряд ли немцы обошлись без них и во время трехнедельного штурма Могилева, а затем Смоленска. Наши ветераны-танкисты вспоминают, что это были лучшие танки в вермахте в первую половину войны, и когда их удавалось захватить, на них пересаживались командиры советских танковых батальонов и полков, поскольку из башен чешских танков куда лучшим был обзор поля боя.

Чехословацкий военно-промышленный комплекс, а это десятки металлургических заводов и электротехнических предприятий, более сотни шахт, свыше 400 химических фабрик, без сбоев работал на нужды вермахта всю войну, дав ему примерно четыре тысячи танков и самоходных артиллерийских установок, большое количество тяжелых грузовиков, не говоря уже о пушках, бомбах, пулемётах... Не менее важным для Гитлера было и то, что раздавленная Чехословакия уже не могла при ином ходе событий стать местом базирования для советских самолетов, откуда они легко достигали бы пределов рейха. О том, что этот момент был весьма важным в военном раскладе и обязательно присутствовал в политических расчетах, свидетельствует то, что Н. Чемберлен перед отлётом из Мюнхена — уже после подписания пакта — еще раз имел беседу с Гитлером, в ходе которой отметил: “Для нападения на Советский Союз у вас достаточно самолётов, тем более, что уже нет опасности базирования советских самолётов на чехословацких аэродромах”.

Такой была реальная цена “мюнхенского презента”, в пожаловании которого Гитлеру активно участвовала Польша. И если говорят, что подписи под мюнхенским пактом, поставленные британским и французским лидерами Чемберленом и Даладьё, — это каинова печать, то справедливо будет добавить, что густоты чернилам, которые использовались при подписании и “припечатывании” тех страниц, добавили польские политики.

Сама же Польша, присоединив к себе принадлежавшую Чехословакии Тешинскую Силезию, на самом деле “получила” ещё кое-что весьма существенное. После оккупации гитлеровцами Праги и всей Чехии, создания марионеточной Словакии и обострения отношений с Германией она оказалась в окружении почти по всему периметру своих рубежей: на севере и западе — предъявивший ультиматум рейх, на юге — его протекторат Чехия и Моравия и марионеточная Словакия, на востоке — ненавистный СССР, на северо-востоке — совсем не дружественная Литва. Оставался небольшой участок границы с Румынией, которым впоследствии и пришлось воспользоваться руководству Польши, покидая собственную страну в сентябре 1939 года. Однако даже “дружественные румыны” это руководство под давлением немцев интернировали.

Оккупация гитлеровцами Чехии, справедливо подчеркнул Ян Цялович, означала нечто большее, чем исчезновение одного из государств: она со всей очевидностью засвидетельствовала, что ситуация в Европе неуклонно движется к войне. Это поняли в большинстве европейских столиц. Кроме Варшавы. Потому, когда спохватившаяся Великобритания предложила вместе с Францией, СССР и Польшей всё-таки дать гарантии всем европейским государствам, то и “эта инициатива сошла на нет из-за позиции Польши”. Так был упущен последний шанс уберечь мир, констатирует историк и формулирует еще одну весьма важную мысль: после этого в Лондоне, Москве, Берлине принимались другие решения.

Не трудно сделать вывод, что это были решения, уже не учитывавшие интересов Польши. Есть основания отнести к ним и договор Риббентропа—Молотова. Ведь после ультиматума Гитлера, предъявленного Польше в конце марта 1939 года, о предоставлении коридора в Восточную Пруссию, передаче Германии Данцига и согласовании своей внешней политики с политикой Рейха, СССР дважды протягивал Варшаве руку. Сразу после денонсации Гитлером германо-польской конвенции о военном сотрудничестве, о чём было объявлено в апреле 1939 года, первый заместитель наркома иностранных дел СССР Владимир Потёмкин по поручению наркома В. М. Молотова 11 мая специально приехал в Варшаву, встретился с министром иностранных дел Польши Ю. Беком и заявил, что СССР не откажет в помощи Польше, если она того пожелает. Но уже на следующий день посол Польши в Москве Гжибовский посетил Молотова и сказал, что Польша не считает возможным заключение пакта с СССР, так как такой пакт угрожает её независимости. Несмотря на это, 25 мая советский полпред в Варшаве Николай Шаронов еще раз подтвердил готовность Советского Союза оказать военную помощь польскому государству, но предложение вновь было отвергнуто. Так что Польша на самом деле тоже подталкивала Сталина к принятию “уже других решений”, одним из которых стал договор, подписанный в Москве 23 августа 1939 года.

В современной Польше пактом Риббентропа—Молотова усиленно пытаются заслонить все ошибки Коменданта и птенцов из его гнезда, действия которых базировались не на трезвой оценке реалий, а на неприязни к соседям, “на которых не повезло”, и стремлении поживиться за их счет.

Так и не поняв, что очередной жертвой назначена сама Польша, Речь Посполитая упорно играла против соседей. Перед самым расчленением Чехословакии польские структуры тесно координировали свою деятельность с судетскими немцами, польские спецслужбы засылали на территорию соседнего государства диверсионные группы. Но есть основания утверждать, что координация присутствовала и на более высоких уровнях, и по другим основаниям. И не только по поводу соседей, поскольку с Чехословакией и СССР руководителям Польши “все было ясно” давно, и смена позиции не предусматривалась. Еще 14 января 1938 года в беседе с Ю. Беком фюрер заявил, что чешское государство сохранить невозможно, и польский министр, как следует из польского официального отчета, горячо поддержал эту идею (“Документы и материалы кануна второй мировой войны: ноябрь 1937—1938 гг.”. Политиздат, 1948.).

Варшавский еженедельник “Не” в № 27 за 2009 год опубликовал хронику польско-немецкой дружбы под заголовком “С Гитлером под руку”. В ней говорится, что 1 октября 1938 года рейхсминистр иностранных дел Германии Риббентроп через польского посла в Берлине Леона Липского информировал польское руководство, что “немецкое правительство: 1. В случае польско-чешского вооруженного конфликта займёт по отношению к Польше благоприятную позицию; 2. В случае конфликта польско-советского пойдет значительно дальше благоприятности”.

Однако та хроника свидетельствует, что польско-немецкое взаимопонимание базировалось не только на ненависти к СССР и Чехословакии. Один из её абзацев, касающийся Судетского кризиса, гласит: “20 сентября. В Оберзальцберге Гитлер два часа разговаривает с польским послом Леоном Липским. Информировует о решении немедленно присоединить к Рейху территории, населенные в 1918 году преимущественно немцами, путем плевбисцита или вооруженной акции. Липский представляет польские требования: Тешинский и Фриштасский уезды с некоторыми уточнениями, главным образом в районе Богумина, должны отойти к Польше. Выражает поддержку венгерским требованиям, прежде всего касающимся передачи Венгрии Закарпатской Руси. Беседа о расчленении Чехословакии идёт в духе полной дружбы. Затрагиваются и другие вопросы. Гитлер сообщил, между прочим, что вместе с Польшей, Венгрией и Румынией предлагает решение еврейского вопроса путём переселения евреев в колонии. Липский информировал Бека: “На этот пункт я сказал ему, что если он найдет решение этого вопроса, мы поставим ему красивый памятник в Варшаве”.

Но и до Мюнхена у Польши с Германией было полное взаимопонимание в международных вопросах. В 1936 году Польша выступила против введения санкций в отношении оккупировавшей Абиссинию Италии, заявив устами сво-

его министра иностранных дел полковника Бека, что такого государства, как Абиссиния, не существует. В 1938-м даже полусловом не осудила Германию за аншлюс Австрии. Потом пришло время совместного растерзания Чехословакии. Поворот Польши в сторону сотрудничества с рейхом, сделанный Пилсудским, был настолько ценным для рейха, что **в 1935 году, когда умер Комендант, Гитлер лично приезжал в польское посольство выразить соболезнования, присутствовал на траурной мессе. На самих похоронах за катафалком в первом ряду соболезнующих вышагивал Геринг. В 1939 году, когда Краков был оккупирован нацистами, у могилы Пилсудского был выставлен немецкий почётный караул.** Это вряд ли слабее тоста за здоровье Гитлера, предложенного Сталиным на банкете после подписания договора Риббентропа–Молотова.

Пилсудский похоронен в Кракове на Вавеле – священном для каждого поляка холме, на котором покоятся короли, наиболее выдающиеся деятели национального движения. **На его могиле установлены яшмовые колонны. Они остались от разрушенного в Варшаве православного кафедрального собора Александра Невского.** Эти колонны – их было 16 – подарил собору последний русский царь Николай Второй. Они составляли основу интерьера храма. А стены и своды украшали мозаики, выполненные под руководством выдающегося русского художника В. М. Васнецова. Самая большая мозаика “О тебе радуется” занимала 1000 квадратных метров. Поляки ломали собор шесть лет: с 1920 по 1926 год. От мозаик почти ничего не осталось. Яшмовые колонны пригодились для надгробия первому маршалу.

Современная пресса любит вспоминать, что после сентябрьского похода Красной Армии в 1939 году министр иностранных дел СССР В. М. Молотов назвал Польшу уродливым детищем Версальского мира. Однако стоит напомнить, что именно так – уродливым созданием – Ю. Пилсудский называл Чехословакию. В польском журнале “Впрост” за 2 ноября 2009 года публицист Дариуш Балишевский напомнил сородичам, что когда после сговора в Мюнхене польские войска вторглись в чехословацкие пределы, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек в своей ноте сделал следующее “обоснование”: “Чехословацкую республику рассматриваем как искусственное образование, противоречащее потребностям и правам народов Центральной Европы”. Скорее всего, Молотов, зная, конечно же, эти заявления, умышленно употребил именно польскую риторику, чтобы подчеркнуть: **вторая Речь Посполитая напоролась на то, за что сама боролась.**

Почитаемый во всем мире британский историк Бэзил Лиддел Гарт в своей книге “Вторая мировая война” указал, что до начала 1939 года Гитлер рассматривал Польшу в качестве младшего союзника при осуществлении своих территориальных устремлений на востоке. Можно не сомневаться, этот учёный знал, что говорил. Но все-таки время ещё ждет исследователя, который в полном объеме оценит вклад начатой Пилсудским польской политики в создание в Европе ситуации, приведшей к развязыванию Второй мировой войны. А заодно и польские метания тех времён, которые, несомненно, производили серьезное впечатление на западные столицы. Ведь опасения, что Польша может выступить на немецкой стороне, указывает историк и дипломат Ян Цехановский, были вполне реальными и особенно волновали Лондон, где в марте 1939 года и было заявлено о британских гарантиях безопасности для Польши в случае агрессии на неё со стороны Германии. Он прямо упрекает министра Бека в том, что тот не уловил главной сути тех гарантий: “Бек не понимал, что британские гарантии для Польши были попросту ничем не подкрепленными дипломатическими жестами. Он не уразумел также, что британцы дали нам эти гарантии в значительной степени потому, что опасались, как бы без них Польша не капитулировала перед требованиями Берлина и не перешла в лагерь стран Оси, что привело бы к полной смене расклада сил в Европе в пользу Третьего Рейха, ослабило бы позиции и престиж Великобритании...”.

Ян Цехановский возлагает вину именно на Бека, поскольку знает, что именно этот любимец Пилсудского играл определяющую роль в формулировании польской внешней политики. Сам Юзеф Бек получение британских гарантий считал главным своим дипломатическим достижением, хотя не все даже в польском руководстве разделяли такую точку зрения. В знак протеста против таких гарантий и вскоре после их объявления застрелился бывший премьер-министр Валерий Славек, один из тех, кто вместе с Пилсудским уча-

ствовал в нападении на почтовый поезд в Безданах 26 сентября 1908 года. Он исходил из того, что плотная привязка Польши к Великобритании неминуемо спихивает страну в пропасть войны с Германией. Тем более что британские дипломаты в Варшаве и не скрывали: максимум из того, чем может помочь полякам их правительство в случае войны с немцами, так это выделить денежный заём да подбросить кое-что из военного снаряжения, но ни о каком экспедиционном корпусе не могло быть и речи. Однако Бек упорно держался собственной линии. Даже за несколько месяцев до войны, видя, что его страна уже оказалась в вакууме между двумя заклятыми друзьями – Германией и СССР, он продолжал твердить: “Если Франция и Англия захотят возобновить переговоры с Россией, то пусть делают это... Что касается нас, то мы не будем им создавать препятствий, но сам я в этой опасной забаве участвовать не буду”.

Преувеличенное мнение о собственной значимости, о возможностях польской армии (наша кавалерия в несколько дней достигнет Берлина – в самый канун войны утверждал посол Речи Посполитой в Париже Юлиуш Лукасевич), а также полная уверенность в том, что западные союзники ни при каких условиях не оставят их страну один на один с её недругами, привели польских политиков к тому, что они и не заметили, как Польша стала разменной монетой в руках у тех, кого считала главным союзником и главной опорой – Великобританией. Не зря сказано, что к какой бы войне Англия ни готовилась, она сначала ищет союзника, которым можно пожертвовать. На сей раз драка предстояла очень большая, потому жертв потребовалось больше, чем одна Чехословакия.

Суть британских политических подходов на подступах ко Второй мировой изложил в своем дневнике заместитель министра иностранных дел Великобритании Александр Кадоган: “Мы должны стремиться к удержанию своих позиций в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря. Нам надо отказать от забот в центральной и восточной Европе – пусть там обосновывается Германия, если сможет там найти свой Lebensraum”, то есть жизненное пространство. Говоря другими словами, Гитлера надо было направить на восток, это значит и на Польшу, так как обойти её на пути к границам СССР было невозможно.

Тем не менее, до сих пор многие политики в Польше считают ориентацию Бека на Англию единственно правильной. В мае 2009 года бывшие министры иностранных дел Польши Адам Даниэль Ротфельд и Владислав Бартошевский, а также депутат Европарламента Павел Залевский опубликовали в “Речи Посполитой” статью под заголовком “Человек, который говорил о чести”, в которой предложили назвать именем Бека одну из улиц Варшавы. Они тоже считают, что договоренность о взаимных гарантиях между Польшей и Великобританией, достигнутая 6 апреля 1939 года, стала “величайшим дипломатическим достижением Юзефа Бека”. Но есть в той статье и слова, приподнимающие занавес над неафишируемой целью предвоенного министра. Оказывается, он понимал, что его политика ведёт к неизбежному конфликту с Германией, но это не является его ошибкой, поскольку конфликт перерос в европейский пожар, а затем в мировую войну, которая стала главной гарантией тому, чтобы Польша не превратилась в шестнадцатую республику СССР. Весьма неожиданный, скажем так, вывод, если учесть, что **платой за такую “гарантию” стало 55 миллионов душ, в их числе шесть миллионов – польских граждан.**

И обоснован ли он? Вряд ли. Ведь Сталин хорошо знал историю пребывания поляков в составе России в XIX веке и понимал, что ничем иным, кроме Вандеи, Польша в СССР не станет. Скорее всего, он преследовал ту цель, о которой и говорил: в Польше нужно иметь дружественное к СССР руководство, ибо именно через Польшу в Россию всегда входили главные агрессоры. Не более того.

Неприятнь к русским брала верх над всем. В этом Бек следовал завету Пилсудского. Ведь, как писал Побуг-Малиновский, “Маршал для Бека был всем: источником всяких дел, мировоззрением, даже религией. Не было и не могло быть никакой дискуссии о том, о чём высказывал свое суждение маршал”. Остается добавить, что такие люди преобладали в предвоенной польской политической элите. Польские историки, тот же Томаш Наленч, иронизируют, что в межвоенное время в Речи Посполитой появилась “четвёртая бригада”, состоящая из тех, кто перешел на сторону маршала уже после май-

ского переворота — самая многочисленная и громче всех кричащая о своих заслугах. Она напоминает советский анекдот о том, сколько человек вместе с Лениным несло бревно на субботнике. В реальности те четыре бригады были фактической партией Пилсудского, которая держала власть до сентября 1939 года. Они открыто заявляли, что Польша “выросла из их кровавых жертв, потому руководить ей имеют право только они”. А это тоже близко суждениям Сталина, в которых он сравнивал партию с орденом меченосцев, которые, как известно, всегда оставались верными своему магистру.

Поляки яростно обвиняют Сталина в том, что из-за него Польша ещё в 1939 году лишилась “Кресув Восточных” — Западной Белоруссии и Западной Украины — и из Второй мировой войны вышла территориально меньшей, “ущупленной”, как выражаются политики за Бугом. При этом совершенно не берутся в расчет два весомых момента.

Во-первых, белорусы и украинцы не желали больше жить под польской опекой. И это зафиксировал не только сентябрь 1939 года, когда Красную Армию они встречали как освободительницу. Четырехлетняя война с гитлеровцами стала для белорусов испытанием, которое окончательно объединило и сплотило народ, утвердив его в решимости жить своей семьей и своей судьбой. **Уже ни при каких условиях они бы не согласились стать жителями польской “восточной окраины”.** Польские и белорусские представления о том, как дальше строить свою судьбу — вместе или раздельно, — окончательно разошлись, потому белорусские земли уже никак не могли больше войти в состав Польши. Да и украинцы, уверен, тоже соглашались с подобным суждением.

Во-вторых, совершенно забывается, что, если бы не усилия Сталина, то нынешняя Польша была бы еще меньшей. И значительно. В этом совсем не трудно убедиться, заглянув в материалы Потсдамской конференции, на которой решалась судьба Европы, устанавливались границы стран-победителей и побежденных. Вот слова тогдашнего британского премьера У. Черчилля: “Я так понимаю, что, согласно плану польского правительства, который поддерживается, как я понял, Советским правительством, одна четверть всех обрабатываемых земель Германии 1937 года будет отторгнута от нее...”. И далее: “Мы согласились компенсировать Польшу за счет Германии за ту территорию, которая отошла от неё к востоку от линии Керзона. Но одно должно уравновешивать другое. Сейчас Польша требует для себя гораздо больше, чем она отдает на востоке... Компенсация должна равняться потерям, иначе это не было бы хорошо и для самой Польши. Если, как говорил генералиссимус Сталин, немцы оставили земли к востоку и западу от Одера, то их следовало бы поощрить вернуться туда...”.

Но речь шла не только о плодородных землях и продовольственных проблемах, но и об угле. В частности, об угольном бассейне в Силезии. Нынешнем польском угольном бассейне. Здесь на стороне Черчилля был и американский президент Г. Трумэн: “Я думаю, что эта часть Германии, а именно угольный бассейн, должна считаться остающейся за Германией...”.

А Сталин гнул свое: “Что касается угля, то я должен сказать, что у поляков в старых границах был свой угольный бассейн, очень богатый. К этому угольному бассейну присоединился угольный бассейн Силезии, который находился у немцев. Работают там поляки. Мы не можем взять уголь, добытый поляками...”.

Обмен “любезностями” состоялся 22 июля 1945 года:

“Сталин. Тогда давайте уважим просьбу польского правительства.

Черчилль. Это предложение совершенно неприемлемо для британского правительства... Это не пойдет на благо Польши — иметь такую территорию. Это приведет к подрыву экономического положения Германии...”.

Кажется, в воспоминаниях В. Бережкова, бывшего переводчиком на той конференции, говорится, что Черчилль, аргументируя свою позицию, употреблял и более крепкие выражения. В частности, он говорил, что польский гусь, проглотив столь большой кусок, просто испустит дух от несварения желудка. Но вернемся к протоколу:

“Черчилль. Различие во взглядах между генералиссимусом и мною заключается в том, что британское правительство, хотя оно и допускает, что Польша должна увеличить свою территорию, не хочет идти так далеко, как это делает Советское правительство...”

Точка в этих дебатах была поставлена только на последнем заседании, состоявшемся 1 августа 1945 года. **Верх взяла линия Сталина. С того времени Польша имеет Вроцлав — до этого Бреслау, Щецин — Штеттин. А также Свиноуйсце — бывший Свинемюнде в составе Германии, так как Сталин всё-таки настоял на том, чтобы польская граница проходила “на несколько километров западнее” этого города. Интересно, помнят ли об этом жители Вроцлава, Щецина, Свиноуйсце? Кто-то скажет, что Сталин и здесь преследовал свои стратегические интересы. Не без этого, разумеется. У больших игроков всегда крупные ставки. Но Вроцлав, Щецин, Свиноуйсце и не только — все-таки польские.**

Однако “справедливости ради” надо сказать, что и у Пилсудского были заслуги перед Советской властью. Они тоже относятся к трудному для Советов времени. В ходе гражданской войны в России он категорически отказался взаимодействовать с генералом Деникиным, у которого, кстати, мать была полькой. О тех заслугах впоследствии сам Деникин подробно рассказал в своих записках “Очерки русской смуты”. Оказывается, “относясь лично с полным сочувствием к возрождению польского государства, я не считал неизбежные трудности русско-польских отношений непреодолимыми. И, во всяком случае, был твердо уверен, что ближайшие пути наши связаны неразрывно, так как судьба и Польши, и России находится в явной и роковой зависимости от долголетия советской власти”. Встав на такую точку зрения, командование Вооруженных Сил Юга России направило в Варшаву своего представителя полковника Долинского. Но от того долгое время просто не поступало никаких известий. Потом оказалось, что поляки обвинили полковника в недостаточной грамотности, из-за чего он не был признан в качестве полномочного представителя Деникина и даже “претерпел немало унижений”.

Наконец, в сентябре 1919 года в ставку белого командования прибыли военная и экономическая миссии, возглавляемые бывшим генералом русской службы Карницким и бывшим польским министром торговли и промышленности Иваницким. Сразу же по прибытии польских миссий в их честь в Таганроге 13 сентября был дан торжественный приём, который, как указывает Деникин, “носил характер торжественный и сердечный”. Сам командующий произнёс на приёме речь: “После долгих лет взаимного непонимания и междоусобной распри, после тяжёлых потрясений мировой войны и общей разрухи два братских славянских народа выходят на мировую арену в новых взаимоотношениях, основанных на торжестве государственных интересов и общности внешних противодействующих сил.

Я от души желаю, чтобы пути наши более не расходились.

Поднимаю бокал за возрождение Польши и за наш будущий кровный союз”.

Но Деникина ждало полное разочарование. Как он сам пишет, Карницкий не принял сердечного тона, и “его краткое ответное слово было так беспредметно и сухо, что на другой день он счёл нужным в официальном тексте для печати внести несколько учтивых фраз, чтобы не вызвать смущение в русской общественности”. А его заместитель — начальник штаба миссии — майор Пшездецкий еще во время приема “недоуменно спрашивал своего соседа по столу о “причинах” банкета и русского радушия: “Судя по речам, здесь чувствуют союзников. Но поляки еще не союзники, и быть может, они попали сюда по ошибке...”. Через несколько дней Пшездецкий опять выразил “сожаление”, что многие русские неверно поняли, будто между Югом России и Польшей заключен союз. И желая “рассеять создавшееся недоразумение”, просил довести это до сведения “высших чинов”. “Нам незачем бояться сговариваться из-за боязни большевиков, — говорил он. — Большевиков мы не боимся. Более сильной армии, чем у нас, теперь ни у кого нет. Мы можем двигаться вперед вполне самостоятельно. Назад мы не пойдём. Мы дошли до (своей) границы, теперь подходим к пределам русской земли и можем помочь вам. Но мы желаем знать заранее, что нам заплатят за нашу кровь, которую нам придется пролить за вас. Если у вас нет органа, желавшего с нами говорить по тем вопросам, которые нас волнуют, под тем предлогом, что он не авторитетен для решения вопросов о территории, то нам здесь нечего делать”.

Позднейшие события, пишет Деникин, показали, что именно Пшездецкий был выразителем истинных интересов и настроений польской власти. Миссия Карницкого настаивала на том, чтобы в состав Польши включить “Курляндию

с Балтийским побережьем, Литву, Белоруссию, Волынь". А земли "польского расселения" на польской карте простирались "к Киеву и Одессе". Дискуссии ни к чему не привели. Уезжая в Польшу, генерал Карницкий оправдывался "по поводу рокового бездействия польских войск на волыньском фронте" тем, что в Варшаве считают, будто Деникин не признает "независимости Польши" и, кроме того, не "имеет надлежащих полномочий".

Деникин написал письмо самому Пилсудскому. В нём, в частности, говорилось: "Восточная польская армия, успешно наступавшая против большевиков и петлюровцев, в дни, наиболее тяжкие для русских войск, вот уже около трёх месяцев прекратила наступление, дав возможность большевикам перебросить на мой фронт до 43 тысяч штыков и сабель. Большевики так уверены в пассивности польского фронта, что на киевском и черниговском направлении они уверенно и спокойно наступают тылом к нему". Предупреждал в этом письме Деникин и о том, что, добившись падения или ослабления вооружённых сил Юга России, большевики сконцентрируют свои силы против Польши. Но все его усилия были тщетны, так как "генерал Пилсудский объяснял отсутствие взаимодействия с русскими противобольшевистскими силами тем обстоятельством, что ему, "к сожалению, не с кем разговаривать", так как "и Колчак, и Деникин — реакционеры и империалисты".

Похоже, что неудачные переговоры с миссией генерала Карницкого и в целом несостоявшийся союз с Пилсудским надолго стали весьма болезненной темой для А. И. Деникина. Уже в 1937 году в Париже он выпустил пятнадцатистраничную брошюру под красноречивым названием "Кто спас советскую власть?". В ней цитируются слова из вышедших тогда же мемуаров одного из наиболее авторитетных польских генералов Януша Галлера: "Слишком быстрая ликвидация Деникина не соответствовала нашим интересам. Мы предпочли бы, чтобы его сопротивление продолжалось, чтобы он ещё некоторое время связывал советские силы. Я докладывал об этой ситуации Верховному вождю (Пилсудскому). Конечно же, дело шло не о действительной помощи Деникину, а о продлении его агонии".

Впоследствии, когда наступление из Крыма начал сменивший Деникина Врангель, Пилсудский тоже остановил продвижение своих полков на восточном фронте. Ведь оба этих белых генерала, по его мнению, исповедовали и проповедовали "единую и неделимую Россию". Зато в провозглашенном большевиками праве наций на самоопределение, в тучах политической пыли, поднятой гражданской войной в России, Комендант видел возможность рисовать собственные картины будущего. Он твердо был убежден, что отвоевать или выторговать у них на переговорах кое-что удастся. И не ошибся, хотя и получил меньше, чем желал. Ведь финал войны, которую теперь принято называть польско-советской, для белорусов мог быть куда более печальным, чем тот, который получился по Рижскому договору. В советское время об этом избегали говорить, но известно, что в начале 1920 года Совнарком заявлял правительству Польши о готовности уступить белорусские земли западнее городов Дисна, Полоцк, Борисов, Паричи — почти всю территорию нынешней Республики Беларусь. Короче говоря, предлагалось провести границу по той линии, до которой дошли марширующие на восток польские войска. Прими Пилсудский то предложение, могло не стать территории, необходимой для восстановления БССР. Но Пилсудский не согласился, поскольку хотелось большего, за что теперь белорусы могут сказать ему спасибо. Таким "подходом" к белорусским делам он подтвердил для нас обоснованность пословицы, гласящей, что нет худа без добра.

Главной мечтой Пилсудского было уничтожение России. Ещё в 1904 году он говорил, что Россия должна быть расчленена. Предлагал свои услуги японцам, для чего даже посетил Токио. Утверждал, что когда он возьмет Кремль, то прикажет написать на его стенах "Говорить по-русски запрещается!". Есть свидетельства, что такая мечта первого маршала Польши оказалась живучей. В декабре 1938 года — всего за несколько месяцев до гитлеровского ультиматума — II отдел польского генштаба подготовил доклад, в котором однозначно говорилось: **"Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша основная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе? Польша не должна оставаться пассивной в этот замечательный исторический момент... Главная цель — ослабление и раз-**

гром России”. (Выдержки из этого доклада были опубликованы в книге “Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. T. III. Warszawa. 1968.) Складывается впечатление, что даже из могилы Комендант продолжал выполнять свою руководящую роль в Польше.

Вполне возможно, что многими поляками маршал продолжает руководить и теперь. И в современной Польше для многих во всем не только виновата, но и должна быть виновата Россия. Публицист Игорь Янке в газете “Речь посполита” в апреле 2010 года с уверенностью утверждал: “Наша задача в Европейском Союзе... — показывать, насколько опасной может быть Россия”. Ему вторит известный в Польше историк Ян Новак, который уверен, что русские всегда должны оставаться плохими парнями. В 2009 году все та же “Речь посполита” опубликовала результаты одного из опросов, согласно которому преобладающее большинство поляков желало бы, чтобы Россия в будущем распалась, а ее жители покончили жизнь суицидом, о чем сообщала и московская пресса. Попробовал бы кто-нибудь нечто подобное сказать о поляках!

* * *

Сравнительный анализ жизни и деятельности двух маршалов можно было бы продолжить. Например, вспомнить, что в молодости оба писали стихи, полные высокой романтики, притом на весьма приличном уровне. Пилсудский в поэтической форме обращался к отцу даже перед этапом из Бутырки в Сибирь. А стихи молодого Иосифа Джугашвили, отмечал историк Н. Н. Яковлев в книге “Сталин: путь наверх”, публиковались в грузинской литературной газете “Иверия”, а также в сборнике лучших образцов грузинской словесности за 1907 год. Их высоко ценил Илья Чавчавадзе. О сходстве судьбы этих политиков свидетельствует и то великое множество художественных произведений разных жанров, посвященных им самим, а также то, что смерть обоих Иосифов стала настоящим потрясением для государств, которыми они руководили. Некоторые авторы утверждают, что Пилсудский был человеком, который сотворил себе государство. А разве Иосиф Виссарионович не создал Советский Союз?

Как бы то ни было, для нас, белорусов, ясно, что, победы дело Пилсудского — Беларуси не было бы. Потому главная речь в данном случае — о другом. О том, что оба Иосифа были политиками крупными, лишенными комплекса сомнений, действовавшими любыми методами, подходящими, по их мнению, для достижения поставленных целей. И в этом их важнейшее сходство. А в остальном они были антиподами и даже врагами.